

Оксана Калашникова

Тайна Брусничного
леса

6+

Оксана Калашникова

Тайна Брусничного леса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48631534

SelfPub; 2019

Аннотация

Герой книги, 9-летний Матвейка, живёт в обеспеченной семье, его папа – мэр небольшого городка. Мальчик ни в чём не нуждается, но ему очень не хватает родительского внимания, потому что и мама, и папа постоянно заняты. Он мечтает, чтобы их семья снова стала дружной, как это было раньше. Однажды папа Матвея привозит с охоты живую лису и сажает её в клетку. Но оказывается, что это не совсем обычная лиса... Анила откроет перед мальчиком волшебный мир, в котором лисы собирают золото и создают людям весеннее настроение, и поможет исполниться его мечте.

Содержание

Часть 1. АНИЛА ПРИХОДИТ	4
1.	4
2.	8
3.	15
4.	21
5.	26
6.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Часть 1. АНИЛА ПРИХОДИТ

1.

Было ещё светло, когда папа вернулся с охоты. Матвейка в это время читал с няней книгу у себя в комнате, а с первого этажа доносился аромат яблок и корицы – это мама пекла свой самый вкусный в мире пирог.

Когда лязгнули ворота и во двор, не торопясь, заехали две большие машины, мальчик соскочил с кресла и подбежал к окну. Снизу раздался громкий лай, – это проснулся Фунтик, который дремал на кухне у плиты. Но выбежать во двор, чтобы приветствовать папу, он не мог – входная дверь была плотно закрыта, – и теперь пёсик громко негодовал, скребясь изнутри.

Солнце сквозь лёгкую предзакатную дымку освещало косями лучами асфальтовую дорожку, которая огибала фонтанчик в центре двора и разбегалась затем в разные стороны – к саду, к игровой площадке, к беседке с мангалом и к сарайчику, где хранились садовые инструменты. Глядя на дорожку из окна своей комнаты, с высоты второго этажа, Матвей любил представлять, что это река, по которой скользят лодочки – опавшие листья. А когда мальчик выходил на прогулку, он и себя воображал кораблём, который отправляется

в дальний путь на поиски приключений.

Два джипа, между тем, свернули один за другим на небольшую парковку. Разглядывая сверху чёрные лоснящиеся спины автомобилей, Матвейка подумал, что они похожи на двух вальяжных бегемотов, которые заплыли в не слишком просторное для них озерцо.

Хлопнули дверцы, папа и двое его друзей вылезли из машин. Все они были одеты в камуфляжные костюмы и обуты в тяжелые сапоги. Мужчины подошли к задней двери одного из джипов и остановились, что-то оживленно обсуждая.

Лай стал громче и веселее: похоже, мама всё-таки выпустила Фунтика. Так и есть: через секунду песик показался рядом с машиной, подскочил к своему хозяину и жадно обнюхал его обувь.

Фунтика никогда не брали на охоту, считали, что от него там никакого толку. Он из-за этого всегда очень обижался, но так как пёс был легковесный, то и обиды у него проходили очень быстро. А точнее, любопытство всегда оказывалось сильнее.

Ещё через мгновение Фунтик замолчал и замер как вкопанный рядом с задним колесом папиного джипа. Похоже, пёсик унюхал внутри салона что-то странное. Даже сверху из окна было видно, как шёрстка на его маленьком загривке поднялась дыбом.

Матвею тоже стало интересно. Он оглянулся на свою няню:

– Наталья Владимировна, можно мне на улицу?

– Можно, только куртку надень, – она протянула ему ветровку. Сентябрь в этом году выдался тёплым, днём бывало даже жарко, но по вечерам с лугов и из Брусничного леса, который начинался буквально в нескольких десятках метров за их домом, тянуло холодом и сыростью.

На бегу пытаюсь попасть в рукава, мальчик кубарем скатился по лестнице на первый этаж. Он проскользнул мимо мамы, которая стояла в дверях, вытирая руки о полотенце, и выскочил во двор.

– Папа, что там?

Мужчины расступились, повернувшись к мальчику, и за их массивными фигурами Матвейка увидел нечто такое, из-за чего он, как и Фунтик, тут же потерял дар речи. В багажнике машины стояла клетка, внутри которой шевелилось что-то живое. К мальчику повернулась остроухая мордочка, и пара пронзительных глаз, зелёных, как виноград, уставилась на него. У зверька была красивая коричневая шубка с медным отливом и пушистый хвост.

– Это... лиса! Живая лиса!!! – Матвей запрыгал на месте. – Папа, как вы её поймали??

– Она сама попала в ловушку, – объяснил папа. – Скатилась в яму с приманкой, а выбраться не смогла. Правда, она красавица?

– Ещё какая красавица! – согласился мальчик. И тут же забеспокоился: – Папа, а что с ней будет дальше?

– Пока поживёт у нас в сарайчике, а там поглядим.

Отец легонько похлопал мальчика по плечу. Этот жест у него обычно означал, что общение закончено, и что Матвейке пора заняться своими делами, чтобы не отвлекать папу от его важных дел.

Переговариваясь, мужчины неторопливо двинулись в сторону дома, к стоящей на крыльце мама. А мальчик замер около клетки. Лиса сквозь проволочную сетку тоже смотрела на него – спокойно и внимательно, слегка склонив голову набок.

Фунтик к тому времени вышел из ступора. Встав на задние лапки, он шумно втягивал носом воздух, пытаясь осмыслить незнакомый ему запах. Пёсик издавал звуки, похожие одновременно и на ворчание, и на скулёрж. Но Матвей не обращал на собаку внимания. Лиса тоже игнорировала Фунтика. Вдруг мальчику показалось, что рыжий зверь подмигнул ему своим виноградным глазом.

2.

Папины друзья остались на ужин, который, как обычно в таких случаях, сильно затянулся. Матвей тоже немного посидел за столом, но в десять часов его, как обычно, отправили спать.

Мальчик умылся и почистил зубы, переоделся в пижаму и забрался под одеяло. Наталья Владимировна прочитала ему очередную главу из «Приключений Муми-Тролля». Потом няня, как всегда, погладила его по голове, пожелала спокойной ночи, приглушила свет ночника и ушла к себе в комнату.

Через несколько минут в коридоре раздались шаги, дверь приоткрылась и к Матвею осторожно заглянула мама:

– Привет, Лисёнок. Не спишь?

– Мама, заходи!

Осторожно вышагивая по ворсистому ковру на тонких каблукках, мама подошла, присела на край постели и обняла его за плечи. От неё пахло чем-то очень вкусным, похожим на яблочные леденцы. По случаю гостей на маме было очень нарядное платье из лёгкой мерцающей ткани, в нём она была как фея. Хотя и в обычные дни, в простых джинсах и домашнем розовом свитере, она нравилась мальчику ничуть не меньше.

– Мам, ты у меня такая красивая! – вслух сказал Матвейка.

– Спасибо, сын, – мама отстранилась, посмотрела на него внимательно, взъерошила ему волосы. – А ты у меня такой вежливый и галантный. Да ещё и растёшь с каждым днём... и чёлка твоя – тоже. Надо будет отвезти тебя в парикмахерскую на днях.

– Почему ты называешь меня Лисёнком?

– Потому что у тебя за лето волосы на солнышке выгорели и веснушки на носу высыпали. Так что ты у меня теперь рыжий, как самый настоящий лисёнок...

– Мама! А что будет с нашей лисой? С той, которую папа поймал? – вспомнил Матвейка.

– Не переживай, – мама снова запустила свои тонкие пальцы в его шевелюру. – Папа говорит, можно огородить для неё вольер во дворе. А если ей у нас совсем не понравится, придётся отпустить её обратно на волю.

– У неё такие умные глаза, – сказал мальчик. – Интересно, мы с ней подружимся?

– Может быть, но уж точно не сразу. Сынок, лиса – это лесной зверь, она не привыкла ни к людям, ни к клетке. Первое время, скорее всего, она будет сильно грустить. Ты можешь приходить и смотреть на неё, но я тебя очень прошу: не просовывай руки в клетку и не пытайся её погладить, она может тебя укусить. Это опасно.

– Я постараюсь, – ответил Матвейка. Он был немного разочарован, ведь он-то надеялся, что лиса быстро освоится, её выпустят из клетки, и он сможет играть с ней, так же как

с Фунтиком.

– Ладно, милый, – мама оглянулась на дверь. – Нехорошо оставлять гостей, я, пожалуй, пойду. А ты – спи сладко.

– Спокойной ночи, мамочка.

Она поцеловала его и выключила свет, уходя. Но глаза быстро привыкли к темноте, и уже очень скоро комната перестала казаться Матвею непроглядно-тёмной. На стене рядом с кроватью, как всегда, обозначился светлый прямоугольник окна. Если сильно вглядеться, сквозь лёгкую занавеску можно было даже различить звёзды в глубоком сентябрьском небе.

Матвей лежал, заложив руки за голову, смотрел на звёзды и думал, как ни странно, о Дедушке Морозе, хотя до Нового года было ещё далеко.

В свои девять лет Матвейка всё ещё верил в Деда Мороза. Но не в того, которому дети обычно пишут письма и просят игрушки в подарок. Раньше, когда Матвейка был маленький, он написал много таких писем. И что интересно, его пожелания всегда сбывались. На Новый год к ним в дом обязательно приходил Дед Мороз в белой курчавой бороде и красной шубе, расшитой золотом, Матвей рассказывал стишок, а гость хвалил его басом и протягивал коробку, в которой лежала игрушка. Всегда именно та, которую он загадал. Но мальчик очень быстро понял, что это не настоящий Дед Мороз, а всего лишь переодетый актёр. Точно такой же, как Ба-

ба-Яга, старуха Шапокляк, Карлсон и другие сказочные герои, которые приходили к ним на утренники в детский сад.

Но Матвейка точно знал, что есть и настоящий Дед Мороз. Ему не нужно было писать писем, – достаточно было просто обратиться к нему про себя, в глубине души, и очень сильно чего-то пожелать. Мальчик был уверен, что он сейчас пожелал бы только одного: чтобы родители чаще вспоминали бы про него, Матвейку, и реже оставляли бы его в одиночестве.

Родители, конечно же, любили его, Матвей в этом даже не сомневался. Но он никак не мог понять, почему они выражают свою любовь к нему таким странным способом – через вещи.

У него всегда было всё самое лучшее: самые красочные книжки, самые интересные игрушки, с которыми можно было возиться целыми днями, велосипеды, самокаты и ролики. Вот только в одиночестве ни книжки, ни игрушки были не в радость.

Папа постоянно был занят, потому что работал на очень важной работе. Она называлась загадочно и красиво – «администрация». Каждое утро спозаранку, выпив кофе с бутербродом, он надевал строгий тёмно-синий костюм, полосатый галстук, садился в свою большую машину и уезжал. А возвращался чаще всего так поздно, что Матвейка в это время уже давно лежал в постели.

Мама проводила дома чуть больше времени, но и у неё было своё дело – оно называлось «салон». В нём продавались разные интересные вещи, которые покупали другие дяди и тётки, чтобы украсить свои дома. А если какой-нибудь дом был такой страшный, что и украшения не помогали, то мама могла в два счёта всё исправить! Она садилась за компьютер и придумывала новую обстановку: советовала, в какой цвет нужно перекрасить стены, какие повесить занавески, какую мебель купить. Дяди и тётки слушались её, и получалось очень красиво! Однажды Матвей услышал, как какая-то женщина говорит про его маму, что она – «дизайнер от бога».

Когда мама бывала дома, то она пекла очень вкусные пироги. Но, к сожалению, это случалось нечасто. В обычные дни на их домашней кухне у плиты стоял Василий – повар, которого папа пригласил из самого дальнего далёка под названием «остров Сахалин». Василию совершенно не подходило его имя: повар был невысокого роста, круглоголовый, с узкими глазами, которые превращались в щелочки, когда он улыбался, а улыбался он почти всегда. Это потому что Василий был добрый. Когда Матвею было грустно или одиноко, он шёл на кухню, и повар обязательно угощал его чем-нибудь вкусненьким.

Странное выходило дело! И мама, и папа в один голос повторяли, что много работают только ради того, чтобы он,

Матвей, жил хорошо, чтобы у него всё было. Но в итоге на самого Матвея у них просто не оставалось времени, и он частенько чувствовал себя заброшенным.

Чтобы мальчику не было так скучно, и чтобы кто-то делал с ним уроки, ему наняли няню, а точнее – гувернантку. Мама говорила, что первое слово звучит несолидно: «няня – это для маленьких, а гувернантка – для таких как ты, сынок». Но Матвею всё-таки больше нравился первый вариант, потому что второе слово он выговаривал с трудом.

Наталья Владимировна жила вместе с ними, в их доме, вот уже целых два года, – не считая выходных дней, праздников и отпусков. Она тоже была добрая, и в то же время – строгая, хотя, казалось бы, как такое возможно? С ней можно было играть в любые игры, – хоть в прятки, хоть в лото; они вместе читали книжки и три раза в неделю занимались игрой на фортепиано, а ещё рисовали и лепили из настоящей глины фигурки, которые потом обжигали в специальной печке. Наталья Владимировна очень помогала ему в учебе. Но всё равно это было немного не то.

Честное слово, он был готов отказаться от всех своих игрушек и даже от велосипеда, лишь бы просто сидеть по вечерам на диване между мамой и папой и смотреть какой-нибудь фильм. Или выйти вместе с ними на прогулку по лесу, чтобы мама шла с одной стороны, а папа – с другой, и они бы рассказывали друг другу о том, как прошёл их день. А он,

Матвейка, шёл бы в серединке и держал их обоих за руки...

Итак, Матвей лежал в постели и смотрел сквозь занавеску в ночное небо. Он начал представлять, как от одной, самой яркой звезды отделяется облачко звёздной пыли и несется к Земле, а на этом облачке сидит маленький, но важный человечек в красном колпачке и с длинной седой бородой. Мальчик закрыл глаза и стал повторять про себя свою заветную просьбу.

Он уже спал, как вдруг услышал странный звук – как будто в его окно бросили снаружи горстку золотой пыли и она ударилась об стекло с лёгким песчаным стуком.

3.

Матвей сел на кровати, протёр глаза кулаками и уставился в окно, отодвинув занавеску. Ночь была в апогее – она торжественно разметала чёрные крылья по небу, словно гигантский дирижёр, а звёзды светили так ярко и значимо, будто исполняли под её руководством вселенскую кантату.

Глядя на звёздное сияние, мальчик снова вспомнил про лису у них во дворе. И понял, что больше всего на свете хочет провести её прямо сейчас. Как она там, в клетке, не тесно ли ей? А вдруг она проголодалась, или просто грустит и поэтому не может уснуть? Желание увидеть лису было таким сильным, что Матвей понял: уже бесполезно ложиться, поворачиваться на бок, сжиматься калачиком и закрывать глаза – заснуть он всё равно не сможет.

Тогда Матвейка решился: он спустил ноги с кровати и нащупал мягкие плюшевые тапки с заячьими мордами. Так же, наощупь, нашёл на стуле рядом с кроватью свою курточку и надел её прямо на пижаму. Вытянув руки вперед, он в темноте подошёл к двери, приоткрыл её и осторожно выглянул в коридор.

Здесь было чуть светлее, чем в комнате, потому что в конце коридора, на лестничной площадке, тускло горел ночник в виде гнома с маленьким фонариком в пухлом кулаке.

Матвей сделал несколько шагов на цыпочках, потом сообразил, что можно идти обычным шагом: расстеленный в коридоре тёмно-зелёный ковёр с густым ворсом всё равно поглощал все звуки.

Мальчику было немного не по себе. С одной стороны, это был его родной дом, он знал тут каждый уголок, от подпола до чердака. И, конечно, ему и раньше случалось ходить здесь по ночам. Однако сейчас ему казалось, что он никогда прежде не видел свой дом так глубоко погружённым в сон.

Всё было необычно, не так, как днём. Дремали шершавые обои, похожие в полумраке на слоновью кожу; крепко спали дубовые двери, и во сне их лица были угрюмы и неприступны. За одной из дверей находилась родительская спальня, за другой – комната Натальи Владимировны, третья вела в ванную комнату и в туалет. Сейчас везде было тихо. Тускло поблёскивали золочёные рамы картин. На одном из портретов была мама: она была одета в коричневый замшевый костюм с золотыми пряжками, держала Фунтика на руках и улыбалась.

Наконец он добрался до лестницы, ведущей на первый этаж. Матвей каждый день сбегал по ней десятки раз и столько же – поднимался обратно. Он мог бы проделать этот путь с завязанными глазами! Но теперь мальчик чувствовал легкую слабость в коленках: гномик-ночник освещал площадку, однако сама лестница уходила в темноту, словно в подпол. Вцепившись в резные перила, нащупывая вытянутой ногой

каждую ступеньку, Матвей осторожно спустился вниз.

На первом этаже оказалось не так уж темно. Крыльцо дома освещали круглые фонари, их мягкий свет вливался в просторные окна большого зала, который служил одновременно и холлом, и столовой. Тонкие чёрные тени от оконных переплётов разрезали свет на полу, словно холщовую ткань, на квадратные и прямоугольные куски.

Под лестницей, на своём маленьком персональном диванчике, спал Фунтик. Одно из световых полотен почти касалось его задней лапы. Матвейка подумал, что сейчас пёсик проснётся, увидит его, обрадуется и решит поприветствовать лаем, как обычно. И тогда, конечно же, проснутся все, и папа обязательно спустится проверить, что же случилось.

Но мальчику повезло. Фунтик приподнял голову, вопросительно приоткрыл один глаз и пару раз махнул хвостиком, а потом опять провалился в глубокий сон.

Обойдя кресла с широкими мягкими спинами, столпившиеся у обеденного стола, Матвей сделал ещё несколько шагов и приблизился к входной двери. Сердце забило сильнее. Он никогда не выходил во двор так поздно ночью, один, без разрешения взрослых.

И тут Матвейка вспомнил кое о чём, очень важном. Слева от двери была прибита полочка, на которой всегда лежал фонарик, папа называл его «наша дежурная свечка». Им обыч-

но пользовались, если в доме неожиданно отключалось электричество. Мальчик протянул руку, взял фонарик и сунул его в карман. Теперь он почувствовал себя намного увереннее.

Шагнув к порогу, он повернул ручку замка и потянул вбок щеколду, на которую дверь запиралась изнутри. Щеколда оказалась очень тугой – никак не хотела поддаваться. Пришлось напрячь все силы, чтобы сдвинуть её с места. Зато нижняя задвижка пошла легко, только скрипнула тихонько – словно мяукнул котёнок. И вот, взявшись за округлую деревянную ручку, толкнув дверь плечом и сделав шаг вперёд, Матвей оказался на крыльце.

Осенняя ночь сразу же обдала мальчика холодным сырым дыханием. Кожа под тонкой фланелевой пижамой покрылась мурашками. Но Матвейка лишь плотнее запахнул куртку – и решительно, чтобы не передумать, спустился с крыльца.

Только теперь он огляделся по сторонам, и у него захватило дух. Всё вокруг было таким необычным, как будто он преодолел космическое расстояние и высадился на другую планету! Асфальтовые дорожки, разбегающиеся по двору, были серебристо-лунного цвета. Высокий забор, окружающий участок, казался черным и массивным: не забор, а настоящая крепость! Зато трава и листья в свете фонарей искрились золотисто-зелеными и медными оттенками, как в сказке про камни-самоцветы. А стоило поднять глаза вверх, выше

липовых крон, как самоцветы меркли на фоне бескрайней звёздной пустыни, огромного мерцающего купола над головой.

Сначала Матвею показалось, что во дворе было очень тихо: даже фонтанчик, весело журчавший днём, сейчас молчал. Но вот подул ветер, и ночь тут же ожила: зашелестели кусты и деревья, зашептались, перекатываясь с места на место, опавшие листья.

Какое-то время мальчик просто стоял и слушал ночной осенний шёпот. Потом очнулся, вспомнил, для чего вышел во двор, и направился к сарайчику. Камушки врезались в тонкие подошвы тапочек.

Матвейка прошел по дорожке, потом свернул на узкую тропинку. Тут он остановился, чтобы достать из кармана фонарик, и осветил низенький дощатый домик с плоской крышей, мирно дремлющий среди кустов смородины. Здесь обычно держали лопаты и прочие садовые инструменты, и пахло внутри землёй и резиновыми сапогами.

Матвейка знал, что сарай обычно не запирался, поэтому смело потянул на себя ручку двери. И дверь, действительно, легко поддалась. Луч фонарика, направленный в пыльное нутро сарая, вырвал из темноты кусок серебристой металлической сетки. Клетка – не та, в которой папа привез лису из леса, а другая, в ней когда-то жили куры, – стояла на старом верстаке.

Он успел увидеть, как за сеткой мелькнуло что-то огненно-рыжее, но в тот же миг фонарик неожиданно погас, и Матвея окутала темнота. Кромешная, потому что его глаза уже привыкли к свету, и очень страшная, потому что мальчик не был к ней готов.

Матвей едва не вскрикнул, но всё-таки сумел взять себя в руки. Перевел дыхание, нащупал кнопку выключателя и нажал на неё несколько раз подряд. Неужели батарейки сели в такой неподходящий момент? Но нет, ему повезло: фонарь снова загорелся.

Он снова направил луч на лисью клетку – и не поверил своим глазам. Потому что в клетке, обхватив коленки руками и повернув к нему лицо, сидела девочка с длинными волосами.

4.

Матвейка оторопел. Если бы он сейчас и захотел убежать, то, наверное, не смог бы. Но он даже не пытался: просто стоял на месте и светил фонарём, разглядывая незнакомку.

На вид девочка была немного постарше его, лет двенадцати. Тонкое бледное лицо было усыпано веснушками. Девочка медленно подняла руку ладонью наружу, защищая глаза от яркого света. Волосы цвета медной проволоки рассыпались по плечам небрежными завитками.

Незнакомка была одета во что-то длинное и мешковатое, на плечах была наброшена джинсовая курточка. Она выглядела, как самая обычная девочка, и при других обстоятельствах, наверное, даже показалась бы Матвею симпатичной. Но она сидела в лисьей клетке, и мальчик не знал, что теперь делать и как себя вести.

И кстати, кроме девочки, в клетке никого не было. Лиса исчезла.

– Привет. Ну что, так и будешь стоять столбом? Или всё-таки выпустишь меня? – неожиданно заговорила с ним незнакомка. Голос у неё был высокий, звонкий.

– Это ты мне? – глупо переспросил Матвей и слегка опустил фонарик, чтобы не светить девочке прямо в лицо.

– Здесь, вроде бы, никого нет, кроме тебя, – ответила она,

склонив голову к плечу. Он машинально отметил, что клетка была не очень высокая, девочка могла в ней только сидеть, а вот встать во весь рост уже не получилось бы.

– И... ты хочешь, чтобы я тебя выпустил? – задал он вслух ещё один глупый вопрос.

– Конечно! – девочка пожала плечами. – Думаешь, мне удобно здесь сидеть, на жёстких досках?

– Нет, но... как ты вообще сюда попала?

Матвей изо всех сил пытался сохранить чувство реальности происходящего. Девочка из клетки разговаривает с ним, и похоже, что это не сон. Может быть, чья-то шутка, розыгрыш?

– Давай я потом всё объясню? – предложила девочка. – А для начала ты всё-таки откроешь замок?

Она смотрела на него, склонив голову на бок. Взгляд вроде бы серьёзный, но казалось, что она едва сдерживает хитрую улыбку.

«Может быть, это воровка? Залезла к нам во двор, чтобы нас ограбить, а её поймали и заперли в клетку?» – возникла у Матвея правдоподобная версия, от которой он тут же отказался. Если бы преступницу поймал Василий или, допустим, садовник, то они сразу вызвали бы полицию, а не оставили девочку сидеть в клетке до утра.

И потом...

– Тут же была лиса, – вслух сказал Матвей.

– Не может быть! – иронично всплеснула руками незна-

комка. – Посмотри внимательно: кроме меня тут никого нет. И мои задние ноги уже начинают неметь...

– «Задние ноги»? – рассмеялся мальчик. Наталья Владимировна как раз недавно объясняла ему, почему говорить так про человека – неправильно, это всё равно что сказать «передние руки».

Смех, кажется, немного разрядил обстановку.

– Ой, всё. Ошиблась, с кем не бывает, – девочка скривила рожицу. – Открой клетку, и тогда, так и быть, я расскажу тебе, как здесь оказалась.

Матвейка понимал, что пора уже что-то предпринять. Лучше всего было бы вернуться в дом и разбудить кого-то из взрослых. Пусть они сами выясняют, что это за девочка и куда делась лиса! Но как ни странно, внутренний голос мягко внушал ему, что звать взрослых сейчас не нужно. Потому что если он это сделает, то чары рассеются и девочка исчезнет. А мама с папой, между прочим, будут сильно переживать из-за того, что он один, среди ночи и без разрешения вышел из дому.

Матвей глубоко вздохнул, набираясь смелости. А потом шагнул вперёд и, подсвечивая себе фонарём, отпер замок.

– Наконец-то! – сказала незнакомка, отворяя скрипучую дверцу.

Она спустила ноги вниз, мягко соскочила на пол, отряхнула длинную юбку и протянула ему острую ладошку.

– Ну, привет! – ещё раз сказала она.

– Привет, – ответил Матвейка и пожал ей руку. Девочка была выше его на полголовы. Теперь, когда она стояла совсем рядом, он почувствовал исходящий от неё запах леса. Так пахнет сосновый бор тёплым августовским днём, когда деревья задумчиво шелестят макушками в голубой вышине, а у их подножий, среди хвои, песка и травы, вызревают грибы.

– Ты кто такая? – почему-то перейдя на шёпот, спросил мальчик.

– Меня зовут Анила, – ответила девочка.

– Я никогда раньше не слышал такого имени, – сказал Матвей и откашлялся. – А меня зовут Матвей. Ты обещала рассказать, как ты здесь очутилась.

– На самом деле, все очень просто, – ответила Анила, энергично разминая шею и кисти рук. – Гуляла я вчера в лесу, собирала лечебные травы. Хожу себе, значит, никого не трогаю, и вдруг – под ногами пустота, и я куда-то падаю! Яма, чёрт побери!

Анила повернулась к Матвею, всем видом выражая негодование.

– Яма, да ещё такая глубокая. Пока летела, чуть шею не сломала! Пыталась выбраться – не получается, ноги скользят. Сидела там полдня, представляешь? Думала, так и помру голодной смертью, когда съем всех жуков. А потом пришли люди. Охотники. Вытащили меня из ямы, посадили в

клетку, привезли сюда...

– Да ты что?! – перебил её Матвейка. – Что ты такое говоришь? Мой папа не такой! Он этого никогда не сделал бы!

– Чего – этого? – ехидно приподняла светлые бровки Ани-ла.

– Он не посадил бы в клетку человека, – начал Матвей и тут же осёкся, а потом воскликнул: – Это вообще всё неправда! Я же сам видел, как папа возвращался с охоты. Он привёз в клетке не человека, а лису!

– Отлично, – Анила отступила на шаг и взъерошила мед-ные кудри. – Осталось только включить логику. Посмотри на меня внимательно и скажи: я похожа на лису?

Матвей долго смотрел на её хитрую мордочку, в зелёные глаза, которые словно гипнотизировали его. Наконец, чувствуя себя полным идиотом, он признал:

– Ну да. Похожа.

– Ну вот, – развела руками Анила. Вид у неё был торже-ствующий. – Теперь всё понятно, не правда ли?

5.

Матвею ничего не было понятно. Он даже ущипнул себя за локоть левой руки. Боль была настоящей, и всё вокруг тоже было настоящим, хоть и окрашенным в призрачные лунные тона: сарайчик, деревья, смородиновые кусты, дорожки, дом, крыльцо в нескольких десятках метров отсюда... И Анила тоже была настоящей, осязаемой. Девочка в длинном платье и серой джинсовой курточке легонько отстранила Матвея и вышла из сарайчика.

– Ты куда? – всполошился Матвейка.

– Не бойся, – Анила обернулась и глянула насмешливо. – Не убегу. Уж больно мне интересно посмотреть, как вы тут живёте.

Она сделала несколько шагов, остановилась и долго разглядывала их двор.

– Какой огромный дом, – произнесла она наконец. – Два этажа, да ещё мансарда. У тебя, наверное, большая семья?

– Почему ты так решила?

– Ну как же, столько места. Здесь же уместится целая куча народа! Так сколько у тебя братьев и сестёр?

– Вообще-то ни одного, – с сожалением признался мальчик.

Если честно, он и сам иногда думал, как было бы здорово, если бы у него был младший брат. Или хотя бы сестрёнка.

Но мама с папой повторяли, что не могут себе позволить ещё одного ребёнка. По крайней мере, сейчас, – добавляли они, – когда жизнь такая непростая и надо много работать.

– Понятно, – вздохнула Анила. – Значит, весь этот замок – в твоём распоряжении?

– Не совсем, – осторожно сказал Матвейка. – Здесь живём мы с мамой и папой, а ещё Наталья Владимировна, и наш повар, и садовник, а еще у нас есть собака...

– Собака?! – всполошилась Анила. – Какая ещё собака??

– Фунтик, – пояснил Матвейка. – Это мой пёс. Ну, то есть, маленький пёсик...

– А-а-а... Та козявка, которая выбегала днём во двор?

Паника на лице Анилы сменилась пренебрежением.

– Зато Фунтик очень энергичный, ему нужно много места! – заступился за своего любимца Матвей, но заметил, что лицо Анилы снова начинает мрачнеть. – Сейчас он спит, и я надеюсь, до утра не проснётся, – быстро добавил он.

– Я тоже надеюсь, – сказала Анила. – Знаешь ли, с детства не люблю собак.

Разговаривая полушёпотом, они тем временем дошли до яблоневого сада и остановились у ажурного металлического заборчика. В полумраке выделялись нижние части стволов, словно каждая яблоня надела по белому сапожку.

– У вас очень красивый сад, – Анила жадно втягивала ноздрями воздух. – М-м-м... как чудесно пахнет!

Матвей толкнул калитку, и они вошли внутрь.

В саду действительно витал пьянящий аромат созревших яблок и опавшей листвы. У осени много запахов, но Матвей всегда считал, что запах осеннего сада – самый лучший.

Этот запах напоминал ему о тех временах, когда они с мамой ещё приходили в сад собирать созревшие яблоки. Мама брала с собой большую плетёную корзину и лесенку-стремянку. Она осторожно взбиралась по перекладинам и снимала румяные яблоки с ветвей, складывала в подол свитера, а потом спускалась и высыпала их в корзинку. Ну а Матвейка тем временем бегал по саду и выискивал красно-жёлтые яблоки в траве. Мама объясняла, что брать нужно только хорошие плоды, которые упали недавно, без «бочков».

Те яблоки, которые «с бочком», он оставлял у подножия деревьев, складывая их в пирамидки. Но что самое удивительное, уже на следующий день пирамидки исчезали! Мама говорила, что, скорее всего, яблоки забрали ежи, которые живут где-то неподалёку. И Матвей представлял себе благородное ежиное семейство – солидного папу в шляпе, маму с хозяйственной сумкой и целый выводок шустрых ежат. По ночам, топоча лапками, они ходили по саду и собирали упавшие яблоки, накалывали их на иголки и шустро несли домой. Дома собирались за круглым столом – и пили чай с яблоками. А мама-ежиха стояла у плиты и варила яблочное варенье в медном тазу, помешивая его деревянной ложкой...

У Матвея дома, на кухне, тоже был такой таз. Он достал-

ся маме по наследству от её бабушки. И ложка-поварёшка тоже была. И Матвей ещё помнил то время, когда мама, надев синенький в цветочек фартук, становилась к плите – варить варенье. Тогда мальчик приносил на кухню какую-нибудь книжку с картинками и листал её, или читал маме сказки вслух, чтобы ей было не скучно. Так они вдвоём ждали папу с работы.

А потом что-то изменилось, – а может быть, просто он, Матвейка, вырос. Мама уже давно не варит варенье, она покупает его в магазине и говорит, что это очень хороший магазин, «фермерский». А ей самой стало некогда заниматься яблоками, потому что работа в салоне занимает почти всё время. Хорошо, что хотя бы на пироги по выходным его пока ещё хватает.

Яблоки в саду уже второй или третий год подряд собирают дядя Миша с Василием. Они складывают их не в корзины, а в пластмассовые ящики и относят в подпол, где те хранятся чуть ли не до самого Нового года. На столе в доме всегда стоит тарелка с яблоками – «чтобы ребёнок ел витамины». Но Матвейка ел бы их куда с большим удовольствием, если бы яблоки были собраны мамиными руками.

– О, да у вас тут ежи, – шёпотом сказала Анила. – Слышишь, домой заторопились, затопали? Это мы их спугнули...

Матвей ничего такого не услышал, но почему-то поверил Аниле. Она тем временем наклонилась, пошарила в траве и

подняла большое наливное яблоко – румяное, без «бочков». Даже странно, как его не подобрали. Девочка поднесла яблоко к носу, а потом осторожно укусила и принялась вдумчиво жевать.

– Ничего себе! Как вкусно! – радостно воскликнула она.

– Ты что, яблок раньше не ела? – рассмеялся Матвейка.

Продолжая жевать, Анила промычала уклончиво что-то вроде «не так часто, как ты».

Самое удивительное, Анила вела себя так, словно ничего особенного не происходило. Будто бы то, что она вылезла из лисьей клетки и теперь разгуливает посреди ночи по их территории, – это нормально. И то, что её сопровождает мальчик, который в это время должен находиться в постели и видеть десятый сон, – тоже в порядке вещей. Ну а раз она вела себя так, то и Матвей поверил, что всё хорошо и ничего страшного с ним не случится. Даже если пока и непонятно, что происходит.

Анила ещё какое-то время бродила по саду, задумчиво поглаживая ладонями шершавые стволы яблонь и что-то напевая себе под нос. Потом они перешли на площадку для барбекю.

Это место тоже очень нравилось Матвею: просторный навес на четырёх резных столбах, два кованых мангала, деревянные скамейки, столик и большая скамья-качалка – спе-

циально для мамы и её подруг.

Матвей был ещё совсем маленьким, когда обустроивалась эта площадка. Почти всё тут сделал его папа: сам, своими руками. Тогда он ещё не был главой администрации. Надев рабочий комбинезон, пилил доски, орудовал рубанком и молотком. Матвейка помнил, как папа с друзьями сколачивали крышу-навес, а мама приносила им прямо сюда чай и бутерброды на подносе. И как он, Матвей, вертелся у взрослых под ногами, подавал гвозди и молоток, играл с опилками. А потом, когда был забит последний гвоздь, они устроили праздничный пикник: жарили сосиски и кусочки хлеба на шампурах.

И подобных пикников было потом ещё много, почти каждые выходные, начиная с апреля и вплоть до октября. К ним «на огонёк» часто заходили соседи, приезжали мамины подруги и папины друзья. Некоторые привозили с собой детей, и Матвейка играл с ними в саду в прятки, пока взрослые мариновали свинину и обсуждали курс доллара.

Жаль, что в последние несколько лет барбекю случаются всё реже. Родители говорят, что у них нет времени. Ох уж это время. Странно, ведь когда-то его было вдоволь! Куда же оно подевалось?

6.

Присев на скамейку, Матвейка в очередной раз ушёл в свои мысли и, кажется, даже немного задремал. Он очнулся, когда Анила аккуратно тронула его за плечо.

– Ты, я вижу, очень любишь своих родителей и свой дом, – вкрадчиво сказала она.

– Конечно! – кивнул мальчик.

– И когда-то вы действительно жили очень дружно, – добавила девочка, словно продолжая его недавние мысли. – У вас была настоящая семья...

– Откуда ты знаешь? – начал Матвей и тут же осекся: – То есть, с чего ты взяла, что сейчас мы живем как-то по-другому?

Анила пожала плечами.

– Сейчас такое происходит гораздо чаще, чем ты думаешь, – сказала она. – К сожалению, даже мы не всеильны...

– Вы – это кто, о чём ты? – удивился Матвей.

Анила ничего не ответила. Она внимательно смотрела на Матвея. Её глаза поблёскивали золотыми искорками. Она словно изучала его, или ждала чего-то, непонятно чего. Кажалось, что это молчание длится бесконечно долго. Только сухие листья шуршали в тишине, бестолково перекатываясь в лапах у разыгравшегося ветерка.

– Ну, хорошо, – наконец, сказала Анила и откашлялась. –

Я тебе уже говорила, но, похоже, ты меня не услышал. Поэтому придётся повториться. Мы – это лисы.

– Лисы? – переспросил Матвей.

– Лисы, – повторила Анила.

Теперь настала очередь Матвея надолго замолчать.

Где-то с полчаса назад Анила заявила, что это она была в той клетке, которую папа привёз домой. Наверное, Матвей должен был как-то среагировать, что-то сообразить. Но это было непросто, потому что любое соображение было бы тут очень странным, или, как любила говорить Наталья Владимировна, неправдоподобным. Поэтому Матвейка решил, что он, наверное, чего-то недопонял. Или что это такая игра и вот-вот всё разъяснится. Зато теперь, кажется, никаких недоговорённостей не осталось.

– Ты хочешь сказать, что ты – лиса? – на всякий случай ещё раз переспросил мальчик у Анилы.

– Да! – она энергично кивнула.

– Самая настоящая, взаправдашняя?

– Угу.

– Тогда почему ты выглядишь как девочка?

Наверное, с этого и надо было начинать. На лице у Анилы мелькнуло облегчение.

– Это наш большой секрет, – сказала она и подвинулась к нему. – Обещай, что никому не расскажешь. Никому-никому и никогда-никогда.

– Ладно, – сказал Матвейка, как сказал бы любой девяти-

летний мальчик на его месте.

– Все дело в том, что мы, лисы, можем притворяться людьми, – продолжала Анила. – Только не очень надолго. И об этом мало кто знает. Практически никто. Потом-то мы снова превращаемся в лис. Я, например, стала выглядеть как девочка, только когда ты подошёл к сараю.

– А зачем? – чуть слышно спросил Матвейка.

Всё это было странно, очень странно.

Он снова подумал о родителях. О том, что эта девочка, может быть, просто сумасшедшая. Перелезла ночью через забор, забралась зачем-то в лисью клетку. Надо бы сейчас под каким-нибудь предлогом убежать домой и разбудить маму и папу. Потому что они, скорее всего, Аниле не поверят и сами решат, что делать в этой ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.